
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Е.М. Карпова, Л.А. Лысакова, С.В. Самарская*Ростовский государственный**экономический университет (РИНХ)**г. Ростов-на-Дону, Россия*

elena_karпова_58@hotmail.com

**ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ ФИЛОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА*****[Elena M. Karpova, Lyudmila A. Lysakova, Svetlana V. Samarskaya*****Understanding the nature of philosophical concepts in the German language]**

It is considered the nature of concepts in German philosophy. The problem of the nature of philosophical notions which is traditionally discussed from the point of view of analytical philosophy, gets a new expression because philosophical terms are treated as key words of some conceptsphere (linguacultural sphere). It is necessary to emphasize that the article demonstrates the ways and conditions of generating philosophical concepts, philosophical notions and transmission of their sense. The language of Philosophy differs as from the language of communication, being the first of all the language of thinking, as from the language of exact sciences where knowledge is shown as the result of thinking. The level of "freedom" in philosophical thinking to some degree depends on the word-forming and syntactical abilities of the language. Diversity of the language means promotes the development of the philosophical concept system. German philosophy demonstrates this idea vividly.

Key words: language of Philosophy, philosophical thinking, concepts, sense, rationality and abstractness of philosophical language, language means, language creativity.

Традиционно, природа философских понятий рассматривается через сопоставление языковых особенностей двух форм культуры – философии и обыденного сознания. Обнаруживаются многочисленные содержательные различия. Укажем лишь наиболее существенные. Философские понятия отражают сущностные признаки предметов, являются ступеньками более глубокого познания мира. Понятия же обыденного языка фиксируют видимое, чувственно-осязаемое.

Философское слово воплощает мысль (некоторый момент в движении мысли), сравним у Гегеля слово как "непосредственное бытие (Dasein) духа" [9, с. 177] и у Маркса язык как непосредственная действительность мысли.

Философские понятия всегда соотносительны, они могут осуществляться только в системе, в то время как обыкновенные понятия могут существовать и самостоятельно.

Философское слово вне контекста теряет свои свойства и поэтому не обязательно совпадает с лексикографическим. В философских словарях показано не философское слово в полном смысле, а лексемы, выполняющие роль опорных точек или ориентиров в мире философского мышления, связанные с ними традиции и школы.

Философский язык более рационален, чем обыденный. Он преимущественно эмоционально нейтрален, тогда как для обыденного языка эмоциональная окрашенность является его существенной компонентой.

Философское слово не является термином в научном смысле, то есть оно не может быть представлено определениями, обязательными для сообщества философов. Термин точных наук выражает понятие как элемент знания, в философии же происходит движение понятия как элемент живой мысли.

Философский язык имеет более высокую степень абстрактности, отражает общие и всеобщие характеристики бытия. Естественный язык поднимается либо до уровня особенного, либо, в большинстве случаев, отражает единичное. В то же время, высокая степень абстрактности философского языка обуславливает его меньшую коммуникативность.

Для прояснения природы философских понятий необходимо выявить, прежде всего, условия и способы их порождения в философском мышлении. Воспользуемся рассуждениями самих философов о природе философских понятий.

Философское слово обсуждается философами в той мере, в какой философия рефлексивна, но это обсуждение не претендует на теоретичность, поскольку философия не является научным знанием в строгом смысле.

А. Ахутин пишет: «...Понятия, выражающие философское начало (например, "логос" Гераклита, платоновская "идея", аристотелевская "энергия", "монада" Лейбница, "вещь в себе" Канта, гегелевский "дух"...) – это все слова, как бы впервые услышанные, неслыханно истолкованные, домысленные, даже придуманные, сочиненные философами. Каждое такое слово хочет быть понятием, имеющим общезначимое и однозначное определение. И – снова вместе с тем – это первопонятие, понятие-начало: ниоткуда уже не выводимое, ничем не определяемое, оно хочет быть либо логической самоочевидностью, либо –

самоговорящим словом, словом, предельно естественным, словом самого естества (бытия). В качестве слова, которым называется само бытие (как если бы бытие им само себя называло), оно, кажется, должно иметь характер единственного имени, собственного имени бытия, – имени логического, как в классической метафизике, или – как у Хайдеггера, – имени..., скажем, естественно-поэтического. Таким самоговорящим именем и хочет быть Dasein [2].

В книге Жюль Делёза и Феликса Гваттари «Что такое философия?» описывается «превращение» слова обыденного языка «друг» в философский термин в греческой лингвокультуре, причем, одновременно через способы рассуждения демонстрируется «логика» порождения философского понятия. Поскольку эта проблема весьма значима для нашего исследования, мы позволим привести здесь достаточно большую цитату: «Как утверждают, именно греки окончательно зафиксировали смерть Мудреца и заменили его философами, друзьями мудрости, которые ищут ее, но формально ею не обладают. Однако между философом и мудрецом различие не просто в степени, словно по некоторой шкале: скорее дело в том, что древний восточный мудрец мыслил Фигурами, философ же изобрел Концепты и начал мыслить ими. Вся мудрость сильно изменилась. Потому так трудно выяснить, что же значит "друг", даже у греков и особенно у них. Быть может, словом "друг" обозначается некая интимность мастерства, как бы вкус мастера к материалу и потенциальная зависимость от него, как у столяра с деревом, – хороший столяр потенциально зависит от дерева, значит, он друг дерева? Это важный вопрос, поскольку в философии под "другом" понимается уже не внешний персонаж, пример или же эмпирическое обстоятельство, но нечто внутренне присутствующее в мысли, условие самой ее возможности, живая категория, элемент трансцендентального опыта. Благодаря философии греки решительно изменили положение друга, который оказался соотнесен уже не с иным человеком, а с неким Существом, Объектностью, Целостностью. Он друг Платону, но еще более друг мудрости, истине или концепту, он Филалет и Теофил... Философ разбирается в концептах и даже при их нехватке знает, какие из них нежизнеспособны, произвольны или неконсистентны, не способны продержаться и минуты, а какие, напротив, сделаны добротой и даже несут в себе память о тревогах и опасностях творчества.

Что же значит "друг", когда он становится концептуальным персонажем, то есть предпосылкой мышления? Может, это влюбленный – да, пожалуй, скорее влюбленный? Ведь благодаря другу мысль вновь обретает жизненную связь с Другим, которая, казалось, исключена из чистого мышления. А может, здесь имеется в виду еще кто-то иной, не друг и не влюбленный? Ведь если философ – это друг мудрости или же влюбленный в нее, значит, он претендует на нее, будучи скорее в потенциальном стремлении, чем в действительном обладании. Тогда, стало быть, друг – это еще и претендент, а то, чьим другом он себя называет, – это Вещь, на которую обращено притязание, а вовсе не кто-то третий; тот-то, напротив, становится соперником. Получается, что в дружестве столько же состязательного недоверия к сопернику, сколько любовного стремления к предмету желаний. Стоит дружеству обратиться к сущностям, как двое друзей оказываются претендентом и соперником (впрочем, кто же их разберет?). Такова первая особенность, благодаря которой философия представляется нам явлением древнегреческой цивилизации, совпадающим с культурным вкладом городов-полисов: в них сформировались общества друзей или равных, но зато между ними и внутри каждого из них стимулировались отношения соперничества, во всех областях сталкивались друг с другом претенденты – в любви, играх, судах, в государственном управлении, в политике, даже в поэзии, чьей предпосылкой оказывается не друг, а претендент и соперник, которую Платон характеризует как "амфисбетесис". Соперничество свободных людей, атлетизм, возведенный в общий принцип – агон. Дружество же призвано примирять целостность сущности с соперничеством претендентов. Не слишком ли тяжелая задача?» [6, с. 11–12].

Определение философии как дисциплины, «...состоящей в творчестве концептов», характерно для Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Философы обнаруживают в природе концептов характеристики, которые позволяют рассматривать философию в одном ряду с искусством, наукой, религией. Ж. Делёз и Ф. Гваттари пишут: «Поскольку концепт должен быть сотворен, он связан с философом как человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство. На это нельзя возражать, что о "творчестве" обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам, – искусство философа сообщает существование также и умственным

сущностям, а философские концепты тоже суть "sensibilia". Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто [6, с. 13].

Язык философии отличается как от языка коммуникации, являясь, прежде всего языком мышления, так и от языка точных наук, где, в основном, предъясняется знание уже как результат мышления. По меткому замечанию М.К. Мамардашвили, философия – это "сознание вслух, высказываемое по правилам языка, по законам самой же мысли". Философ пишет, что на вопрос, например, "что такое субстанция?" нет ответа, "ибо все ответы уже существуют в самом языке", и указывает на нашу зависимость в этом отношении от "вербальной реальности" [7, с. 6].

Отношение между мыслью и словом специфично. Мысль "...с самого начала уже есть то, чем оказывается в своем существе слово: она имеет смысл" [3, с. 4]. Философы признают, что философское слово, как и слово высокой поэзии, оказывается очень трудным для изучения, ибо, вырванное из контекста философской мысли и положенное как объект для исследования, оно утрачивает то, что определяет его сущность. Таким образом, в самой философии не оказывается средств для исследования философских понятий-концептов в качестве объекта.

Как и тексты художественной литературы, философские тексты живут смыслами. Смыслами «живут» и философские понятия-концепты. Последнее обстоятельство и является причиной трудности их объективного истолкования. С.А. Аскольдов подчеркивает: «Проблема концептов и проблема художественного слова имеют не только точки соприкосновения, но в основании положительно совпадают. И тут и там мы имеем одно и то же загадочное явление. Слова в одном случае, не вызывая никакого познавательного «представления», понимаются и создают нечто, могущее быть объектом точной логической обработки. В другом случае слово, не вызывая никаких художественных «образов», создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения. Что это за туманное «нечто», в котором в области знания всегда, а в искусстве слова в значи-

тельной мере заключается основная ценность? В проблеме познания это «нечто» носит название «концепта», под которым надо разуместь два его вида: «общее представление» и «понятие» [2, с. 268].

Таким образом, задачей философа является преодоление консерватизма языка. Сталкиваясь с той или иной версией понятия философ реагирует совершенно иначе, чем ученый. Последний фокусируется на отдельных аспектах, чтобы прогностически выяснить, что можно отсюда получить. Философ же реагирует на целое в понятии, скрытое за именем. Имя для него – это конкретное воплощение целого.

Философские понятия не передаются прямым обозначением смысла. Постижение их смысла требует рефлексивной работы от читателя. Смысл понятий может быть дан, например, через «описание» в подобных понятиях. В европейской философии исторически сложилась традиция показа через противоположность, например, качества через количество и наоборот.

Еще одна характерная особенность: философия стремится закрепить смысл слова в выявляемом ею целом языка. Таким образом, она борется с неопределенностью всякого определения. Однако для того, чтобы постичь определение в его определенности, есть и другой путь. Всякое определение отсылает к определенному прообразу определяемого. Этот прообраз и устанавливает те пределы, в которых оно не теряет определенности. Прообраз определяемого дается как произведение искусства.

В Греции, например, собеседники Сократа, желая указать на основание для своих определений, обращались к плодам поэтического воображения. Они сопоставляли образы, вызываемые этими определениями, с его первообразом в произведении искусства. Если они совпадали, определение считалось верным. Сократ же, чтобы привести определения своих собеседников к парадоксу, во всех случаях пользовался одним и тем же приемом: он выводил эти определения за установленные для них пределы, иначе говоря, применял *слова, содержащиеся в определении, вне сферы их определенного употребления*. Для этого Сократ постоянно предлагал своим слушателям ситуации употребления того или иного слова, которые не были закреплены в греческой мифологической традиции. Так как слушатели Сократа принимали слово в новой ситуации, никакого парадокса не возникало: значение слова становилось прозрачным.

Выражаясь образным языком, философские концепты «ищут» слова для своего воплощения, поскольку философы мыслят концептами. Как выразились Ж. Делёз и Ф. Гваттари, «...Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?» [6, с. 15]. Ницше так характеризовал задачу философии: "Философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться. До сих пор каждый доверял своим концептам, словно это волшебное приданое, полученное из столь же волшебного мира", но такую доверчивость следует заменить недоверчивостью, и философ особенно должен не доверять именно концептам, коль скоро он не сам их сотворил (об этом хорошо знал Платон, хотя и учил противоположному...) [8, с. 215–216].

«Материю» философских понятий составляет лексика некоторого «живого» и «мыслящего» языка, поэтому философское мышление оказывается одновременно и языковым творчеством. Степень «свободы» философского мышления в определенной степени обусловлена словообразовательными и синтаксическими потенциями языка. Разнообразие языковых возможностей способствует развитости системы философских понятий. Немецкая философия ярко демонстрирует эту тенденцию.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997.
2. *Ахутин А.В.* Dasein (материалы к истолкованию) // Логос. 2000 (28). № 5–6.
3. *Бибихин В.В.* Язык философии. М.: Изд. группа "Прогресс", 1993.
4. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2.
5. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
7. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М.: АГРАФ, 1997.

8. *Nietzsche F.* Posthumes 1884–1883, Oeuvres philosophiques XI, Gallimard, p. 215--216 (об "искусстве недоверия").
9. *Simon J.* Das Problem der Sprache bei Hegel. Köln, 1957.
10. *Хайдеггер М.* На пути к языку. 10 Издание. Штутгарт: Нэске, 1993.

R E F E R E N C E S

1. *Askoldov S.A.* Concept and the word // Russian literature. From theory of literature to the structure of the text. The anthology / Under the editorship of Professor V.P. Population: M.: Academia, 1997.
2. *Akhutin A.V.* Dasein (materials to interpretation) // Logos. 2000 (28). No 5–6.
3. *Bibihin V.V.* Language of philosophy. M.: Publishing House group "Progress", 1993.
4. *Vitgenshtejn L.* On the truth // Questions of philosophy. 1991. No 2.
5. *Gadamer H.G.* Truth and method: basics of philosophic hermeneutics. M.: Progress, 1988.
6. *Deleuze G., Guattari F.* What is philosophy? M.: Institute of experimental sociology; St. Petersburg: Aletheia, 1998.
7. *Mamardashvili M.K.* Lectures on ancient philosophy. Moscow: AGRAF, 1997.
8. *Nietzsche F.* 1883–1884 Posthumes, Oeuvres philosophiques XI, Gallimard, p. 215–216 ("the art of mistrust").
9. *Simon J.* The Problem of language in Hegel. Cologne, 1957.
10. *Heidegger M.* On the way to language. 10th Edition. Stuttgart: Neske, 1993.

11 ноября 2017 г.
